

ВИКТОР СТАРЕЦ

БАЛАКЛАВА КРАСНАЯ

Ленинград
издательский дом

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
С77

Серия «Военная боевая фантастика»

Выпуск 91

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Старец, Виктор

С77 Балаклава Красная: роман / Виктор Старец. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 480 с. — (Военная боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-189308-8

Небольшой Крымский городок Балаклава накануне Великой Отечественной войны неизвестные науке силы переносят на 1120 лет назад. В городке имеются три небольшие воинские части. В нашей истории практически все военнотружущие этих частей и большинство жителей Балаклавы погибли при обороне Севастополя. Но герои своего будущего не знают. Они оказываются в совершенно другой реальности. Из социалистического Советского Союза попадают в раннее феодальное общество, в Византийскую империю девятого века. Маленький городок со всех сторон окружен многочисленными феодальными и дикими народами и племенами: византийцами, хазарами, арабами, болгарам, славянами, для которых это завидная добыча. Военные, гражданская администрация, ученые и простые жители городка принимают вызов, брошенный им высшими силами, и приступают к переустройству окружающего мира. В отвоеванном ими византийском феме Херсон они создают Балаклавскую Республику, успевают повоевать с Византией и Болгарией, заключить торговые и военные союзы с Хазарией и Арабским халифатом...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-189308-8

© Виктор Старец, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1

БАЛАКЛАВА КРАСНАЯ

До Великой Октябрьской революции Балаклава была захолустным селом с населением в полторы тысячи человек. Это вместе с близлежащей деревней Кадыковкой. Домики Балаклавы располагались подковой вокруг верховья одноименной бухты.

Бухта эта была одной из самых удобных в Крыму. Узкий извилистый вход в нее исключал проникновение морских волн при любом направлении ветра. Длинной в полтора километра, шириной до 200 метров и глубиной 16 метров, бухта позволяла разместить в ней большое количество кораблей. Отроги невысоких Крымских гор окружали бухту со всех сторон, кроме северной. С этой стороны к верховью бухты примыкала обширная долина, в которой лежала окруженная возделанными полями и виноградниками деревня Кадыковка. От бухты через деревню шла дорога на Севастополь, до которого было 16 километров.

Большую часть постоянного населения Балаклавы и Кадыковки до революции составляли греки с некоторым вкраплением евреев и крымских татар. Евреи держали лавчонки, были портными, пекарями, сапожниками и цирюльниками. Татары пасли отары овец в ущельях окрестных гор. А греки были крестьянами, рыбаками и контрабандистами, маскировавшимися под рыбаков.

На месте Балаклавы в еще в I веке существовал византийский поселок Ямболи, а с XIV века — генуэзская кре-

пость Чембало, развалины которой до настоящего времени высились на высоком восточном берегу бухты. В XV веке Чембало захватили османы и основали в бухте город Баликая. А в XVIII веке Крым перешел под власть Российской империи. Во время Крымской войны Балаклава была базой английского флота. В общем, история Балаклавы была богатой. Бухтой последовательно владели тавры, скифы, римляне, византийцы, генуэзцы, османы и русские. Это, не считая кратковременных набегов хазар, печенегов, половцев, запорожских казаков и англичан.

В конце XIX века тихую уютную бухту облюбовали российские дачники. Прозрачная вода бухты, уютные пляжи, живописные тропки для прогулок по окружающим горам стали привлекать отдыхающих из центральной России. Аристократы Апраксины и Юсуповы, известные актрисы Марецкая и Холодная, богатые купцы и промышленники построили на берегах бухты солидные особняки под летние дачи и доходные пансионаты для курортников.

За аристократами и богачами потянулся и средний класс. По обеим сторонам дороги от Балаклавы до Кадыковки появились дачные домики профессуры, средней руки чиновников и буржуев. К началу Первой мировой войны дачами застроили уже всю дорогу до самой деревни, всего почти полторы сотни домов. Дома были разными: от двухэтажных особняков до небольших одноэтажных домиков на три-четыре комнаты.

После того, как Красная армия выбила белогвардейцев из Крыма, сонная жизнь Балаклавы закончилась. В 1923 году в конфискованных у эксплуататоров особняках разместились «Экспедиция подводных работ особого назначения». ЭПРОН развернул масштабные работы по подъему многочисленных затонувших и потопленных за годы войн судов и кораблей. Вскоре ЭПРОН распространил свою деятельность на Балтийское, Баренцево и Японское моря. Филиалы экспедиции появились

в Новороссийске, Мурманске, Баку и Владивостоке. В связи с расширением деятельности управление организации переместилось в Ленинград, а в Балаклаве остался Военно-инженерный морской водолазный техникум ЭПРОНа, подведомственный НКВД.

В 1928 году Балаклава стала базой 2-го Черноморского отряда пограничных судов НКВД. А в 1937 году в Балаклаву из Севастополя перебазировали 1-ю морскую школу младшего командного состава пограничных войск НКВД. Так что Балаклавская бухта фактически стала военным объектом НКВД. Население города достигло пяти тысяч человек, из которых более полутора тысяч составили военные.

Штатный состав всех объектов НКВД разместили на жительство в экспроприированных особняках и дачах. Правда, после ходатайства председателя ВСНХ и наркома образования в Совнарком, заслуженной профессуре, причисленной к трудовому народу, дачи вернули, но далеко не полностью. Профессоров уплотнили по нормативам, оставив им по две-три комнаты в доме, а на освободившуюся площадь заселили семейных командиров НКВД.

Занятия контрабандой местным грекам пришлось оставить. Под носом у пограничной охраны НКВД это стало совершенно невозможным. Предприимчивые греки пошли работать в учреждения НКВД кладовщиками, мотористами, механиками и матросами. Их жены устроились поварихами и подавальщицами в столовые, прачками и швеями в хозяйства, домработницами к старшим командирам и советским служащим.

Жизнь в бухте закипела. Построенные в бухте многочисленные причалы заполнились судами. Выходили на дежурство и возвращались пограничные катера, водолазы тренировались с водолазных ботов в бухте и в море, выходили на учебные стрельбы плавсредства школы комсостава. Оставшиеся у местных рыбаков два десятка баркасов

тоже почти ежедневно выходили в море на ловлю. Не говоря уже о гребных и парусных яликах, шлюпках и баркасах, принадлежащих морской школе, местным жителям и дачникам. Курсанты осваивали греблю, дачники катались, а местные ловили рыбу.

В 1930-е годы разросшаяся Балаклава вместе с прилегающим селом Кадыковка и двумя ближайшими деревнями была включена в черту города Севастополь и получила статус городского района. Соответственно в ней были сформированы все партийные и административные структуры, присущие району: райком ВКП(б), районный исполнительный комитет Совета, райком ВЛКСМ и прочие организации.

21 июня 1941 года в 14 часов метеостанция Севастополя передала штормовое предупреждение. С моря подходил мощный грозовой фронт. Техникум и школа отозвали все свои катера с моря в бухту. Завидев надвигающуюся грозовую тучу, в бухту с моря вернулись рыбаки. Получив метеосводку, командир отряда пограничных судов капитан-лейтенант Родионов приказал двум катерам дивизиона, патрулировавшим побережье Крыма, вернуться в бухту. Катера имели мореходность до 6 баллов, однако прогноз предсказывал семибалльную волну.

Катера пограничников выходили на патрулирование парами в 12 часов дня каждые сутки. Они расходились на запад и на восток вдоль южного берега Крыма. Зона ответственности отряда простиралась от Красноперекопска на западе до Керченского пролива на востоке. Дойдя до конца маршрута, катера разворачивались и возвращались на базу ровно через сутки. Их сменяла следующая пара катеров. В этот день катера не успели уйти далеко и вернулись к причалам до подхода атмосферного фронта.

Появившиеся в ранее безоблачном небе высокие перистые облака с утра намекали на возможность ухудшения погоды. А в полдень в южной части горизонта уже зама-

ячили далекие тучи. К 19 часам грозовой фронт предстал перед глазами береговых наблюдателей во всей своей силе. Иссиня-черную тучу, протянувшуюся во всю ширину горизонта с востока на запад, по низу обрамлял нависающий над морем мощный облачный вал, белый на фоне почти черной тучи. Еще ниже все было затянуто плотной серой пеленой ливня, сквозь который сверкали частые вспышки молний. На исполинской стратосферной высоте туча выбрасывала перед собой белые полосы облачной «наковальни», подсвеченные клонящимся к горизонту солнцем. Доносились еще отдаленные раскаты грома. На берегу все стихло, как обычно бывает перед грозой.

Все это пугающее великолепие отражалось в зеркальной глади бухты. Обыватели и дачники высыпали на окружающие бухту холмы, чтобы полюбоваться редким по красоте зрелищем. Казалось, самая мощная, самая черная и самая высокая часть облачного фронта идет прямо на Балаклаву. Однако туча не спешила, накатываясь на берега Крыма медленно и величаво. Около десяти часов вечера, лишь только солнце нырнуло за горизонт, на бухту налетели, поднимая с окрестных холмов густые клубы пыли, первые порывы дующего с берега шквала. Молнии сверкали уже не так далеко, грохотало вполне внушительно. До ливня оставалось совсем недолго. Осознав это, зеваки бегом кинулись по тропинкам вниз, под крыши домов.

А к одиннадцати часам вечера шквалистый ветер мощными порывами уже повсюду гнул деревья, гнал вдоль дороги сорванные листья, ветки и прочий мусор. Наблюдающий за буйством природы с крыльца своего дома каплей Виктор Родионов прищурил глаза, защищаясь от пыли. Туча накрыла Балаклаву, начисто отсекая последние отблески вечернего света. Тьма поглотила городок. Первые почти горизонтально летящие крупные капли дождя ударили по стеклам домов. Виктор заскочил в дом и закрыл дверь на крючок. Прошел по коридору в свою комнату

и выглянул в окно. Не было видно ничего. Только темно-та, озаряемая вспышками молний. Раскаты грома сотрясали дом. И тут по окну хлестнула настоящая струя воды, как из пожарного брандспойта. Стекла тряслись. Буря за окном ревела и бушевала. Казалось, что каменные стены дома трясутся от громовых раскатов.

«Очень вовремя штормовое предупреждение поступило. Давно я такую грозу не видал. В море нашим кораблям пришлось бы туго», — с благодарностью подумал о метеорологах каплей. Виктор прошел в спальню. Там его жена Варя успокаивала двоих сильно напуганных девочек, сидя с ними в обнимку на кровати. В комнате горела керосиновая лампа.

— Электричество еще полчаса назад отключилось, — прокомментировала Варя. — Девочки грома боятся.

— Ничего удивительного, — ответил каплей. — Наверняка в такой ветер где-нибудь дерево на провода упало и оборвало их. Не бойтесь доченьки, дом у нас крепкий, каменный, как у Нуф-Нуфа, — напомнил Виктор девочкам сказку, которую много раз читал им на ночь. Дочери приободрились, но продолжали прижиматься к маме.

И тут по крыше и по стеклам ударил крупный град. «Не побило бы окна...» — подумал Виктор. К счастью, обошлось. Ветер уже несколько утих, и градины били по стеклам вскользь. Дочки уснули только около полуночи, но так и не отпустили мать от себя. Ветер стих, но дождь с градом продолжал молотить по крыше. Гроза все еще не прекращалась, что было странно. Летние грозы обычно скоротечны.

Виктор не спал, беспокоясь о пришвартованных у причалов катерах. Задраили ли команды все люки и иллюминаторы? По идее, вахтенные командиры, находящиеся на борту, должны были за этим проследить. Но безалаберности бестолковых подчиненных никто не отменял. Взял трубку телефона, крутанул рукоятку. Однако сигнал вызо-

ва не прогудел. «Вот черт, — подумал каплей, — и телефонные провода порвало. Вряд ли вахтенные связисты пойдут устранять обрывы в такую грозу. Да и бессмысленно это. Все равно порвет их».

В 00:47 — Виктор инстинктивно глянул на часы — все неожиданно стихло. Грохот бури и шум дождя как ножом отрезало. Как будто он вдруг совсем оглох. Виктор накинул плащ-палатку и вышел на крыльцо.

Тишина была абсолютной. Все вокруг окутал густой, как мазут, туман. И темнота была такой же абсолютной. Как будто весь городок накрыло огромной подушкой. В непроглядном тумане, подсвечивая его мертвенно-белыми сполохами, сверкали какие-то вспышки, просматриваемые сквозь густую пелену. Прекратился и ветер, и дождь. Дом будто бы повис неподвижно в этом непроглядном тумане. Виктор вернулся в дом, зашел к себе, на ощупь долго нашаривал на полке в шкафу электрический фонарь. Он оказался совсем в другом месте, не там, куда он его клал. «Не иначе, девчонки фонарем баловались», — подумал он.

Включил фонарь, вышел на крыльцо и спустился с него. Луч фонаря пробивался сквозь туман лишь на пару метров. Даже с фонарем идти было невозможно. Да и беззвучные вспышки в тумане наводили на мысль об электрических разрядах. «Странные какие-то молнии. Не убило бы током», — подумал каплей и вернулся на крыльцо. Такое безобразие продолжалось до 01:19. Затем туман бесследно исчез. Исчез и дождь, и тучи. На безоблачном небе засверкали полумесяц и яркие, будто умытые дождем, звезды. Однако, напоминая о бесследно прошедшем ливне, по всей ширине дороги и по кюветам ревел бурный поток несущейся под уклон воды. Глубиной примерно по колено. С окрестных склонов, через дворы, обтекая дома и дворовые постройки, тоже неслись мутные потоки. Осадков выпало изрядно.

«Не пойду никуда, — подумал командир пограничников. — В конце концов, вахтенные должны справиться с возможными проблемами. Гроза — не война! Хотя и с электрическими явлениями. Если что экстренное, дежурящий в эту ночь в штабе Трифонов пришлет нарочного».

Постояв на крыльце и подумав, каплей отправился спать.

Глава 2

НЕПОНЯТКИ

Следующий день был воскресным. На вахте в штабе должен был быть начальник штаба отряда старлей Трифонов, так что командир мог бы и поспать подольше после беспокойной ночи. Однако организм проснулся точно в 06:00, как привык, а беспокойство за вверенное организму хозяйство подняло Родионова с постели и погнало к причалам отряда. Только умылся, даже не побрился и не перекусил.

Потоки воды за ночь с окружающих бухту склонов стекли. Щебеночное покрытие дороги даже слегка подсохло. Однако по кюветам все еще бежали небольшие ручьи из долины. Топая по дороге к бухте, подставляя утреннему солнцу лицо, Виктор краем глаза отметил что-то необычное. Остановился, осмотрелся и удивился. Склоны невысоких гор, окружающих бухту, всегда были совершенно «лысыми», поросшими травой и редкими кустиками. Однако теперь, ближе к вершинам этих гор, густо стояли высокие деревья. Виктор не поверил своим глазам. Сошел с дороги, перепрыгнул через кювет и направился вверх по склону по одной из тропинок. До деревьев оказалось около километра. До них склоны были точно такими же, как раньше. Однако за некоторой совершенно ровной линией стоял настоящий лиственный лес. Буки, грабы, каштаны,

дубы. Все взрослые и даже старые. Дубы так толщиной в обхват и более.

Дойдя до первых деревьев, Виктор, не веря своим глазам, пощупал руками жесткую кору. Деревья не были галлюцинацией или бзиком. Присмотревшись, он увидел, что лес от поросшего травой склона отделен четкой, совершенно ровной ступенькой. Причем лесная сторона ступеньки была выше травянистой. Нагнулся, пощупал ступеньку. Выступающая над травянистым грунтом ступенька была совершенно гладкой, как будто кто-то отполировал срез камня и грунта. Высота ступеньки была разной. Где-то небольшой — сантиметров десять, а где-то и до метра. Причем травянистый грунт был мокрым, что было естественно после ночного ливня. А лесной грунт был совершенно сухим. В полном недоумении каплей снял фуражку и почесал затылок. При этом обнаружил, что и кроны деревьев над линией раздела тоже ровно срезаны.

Осмотрел с высоты бухту и городок. Все было, как обычно: дома, причалы, корабли. Однако за бухтой в километре на вершинах гор тоже стоял лес. Которого раньше там не было! Посмотрел в сторону Кадыковки. На километр от бухты все было как обычно. Но дальше деревня исчезла. Вместо добротных домов из крымского песчаника под черепичными и железными крышами там виднелись какие-то убогие, крытые соломой хижины и даже что-то вроде полуземлянок, тоже крытых соломой.

Еще раз осмотревшись, Виктор сделал вывод, что все наблюдаемые изменения имели место на удалении более километра от верховья бухты. Как будто кто-то провел исполинским циркулем линию радиусом в километр.

Еще раз присмотрелся к ступеньке, пощупал ее, даже поковырял подобранным сучком. Грунт с верхней стороны ступеньки легко осыпался. То есть ступенька не была оплавленной, а просто срезанной каким-то очень острым

и твердым инструментом. Впрочем, такой инструмент ему известен не был.

Подумав еще немного, решил не ломать командирскую голову над таинственным феноменом и двинулся по тропе вниз, намереваясь прежде попытаться дозвониться или связаться по радио со своим пограничным начальством, а потом посоветоваться с сослуживцами по наркомату — начальником школы комсостава Асташевым и начальником техникума Опариним. А потом и с гражданскими властями: секретарем райкома партии и председателем исполкома.

Быстрым шагом сбежал по тропе вниз, не переходя, однако, на бег. Помнил, что в мирное время вид бегущего генерала вызывает смех, а в военное — панику. По меркам гарнизона Балаклавы, он и был одним из местных генералов. А после обнаруженных им чудес время вполне могло оказаться и не мирным. У дороги на телеграфном столбе «на когтях» висел связист, устранял обрыв.

Сначала Родионов дошел до причалов со своими катерами. Шесть корабликов из восьми стояли у причалов, и на них все было в порядке. Вахты несли службу. Вахтенные отдали честь командиру отряда. Ночной катаклизм никакого ущерба не нанес. От пристани пошел в штаб отряда, размещавшийся на набережной в бывшем особняке актрисы Марецкой.

Дежурный по штабу Трифонов доложил, что в 04:00 он направил катер на разведку к горлу бухты, чтобы оценить волнение на море. Выяснилось, что волнение полностью стихло, что было удивительно после ночного безобразия. Тогда он приказал двум катерам продолжить патрулирование. В 04:20 катера вышли из бухты.

Затем вдвоем они прошли в радиорубку.

— Дай связь с погранбазой Севастополя! — приказал Виктор вахтенному радисту.

— Уже не раз пытался связаться, не отвечает база! — доложил матрос.

— Может, аппарат у тебя неисправен? — задал вопрос каплей.

— Аппаратура исправна. С «Мошкой-4» и «Мошкой-8», вышедшими на патрулирование, связь есть.

В это время приемник замигал лампочкой, показывая, что кто-то просит связи. Радист щелкнул тумблером, включая громкую связь.

— «Мошка-8» вызывает Муравейник!

— Муравейник на приеме, — ответил радист, нажимая тангенту микрофона.

— Срочно вызови начальство, тут у нас странные дела творятся! — раздался голос командира «Мошки-8» лейтенанта Глухова.

— Начальство на связи, — ответил Родионов, забирая микрофон у радиста. — Докладывай!

— Докладываю. На подходе к мысу Херсонес обнаружили странное судно — большую весельную галеру. Примерно на три десятка весел с каждого борта. Галера шла с востока вдоль берега на веслах, поскольку ветра не было. Каких-либо флагов галера не несла. Полным ходом пошел на сближение. Пока мы галеру догоняли, она уже обогнула мыс и заходила в Карантинную бухту. Неожиданно на мысу на месте античных развалин заметили довольно большой город, обнесенный каменной стеной, наподобие генуэзской крепости в Судаке. Тут я приказал застопорить ход и решил доложить дежурному командиру, прежде чем что-то делать.

Доклад Глухова плотно дополнял непонятки, возникшие у Родионова при осмотре окрестностей Балаклавы.

— А ты не шутишь?

— Какие могут быть шутки, товарищ командир! Тут дело серьезное!

— А скажи-ка, Саня, ты один эту галеру и этот город видишь? — осторожно обратился командир отряда к лейтенанту.

— Обижаете, товарищ командир! Все видят, вся команда уже на палубе на эти странности глазееет!

Виктор задумался на пару минут.

— Вот что, Саня, топай к Севастополю, посмотри, что там делается. Но, если заметишь что-то странное, в бухту не заходи, посмотри издалека и сразу доложи.

— Сергей! — обратился командир к начальнику штаба отряда. Я сейчас переговорю с техникумом и со школой, а ты жди доклада от Глухова. За полчаса он до Севастополя добежит. Как доложит, сразу ко мне. Что-то странное у нас тут сегодня творится.

Войдя в свой кабинет, Виктор взял трубку и услышал гудок коммутатора. Связь по Балаклаве уже восстановили. Попросил телефонистку соединить с начальником Морской школы майором Асташевым. Тот оказался на месте. После ночного катаклизма все начальники уже вышли на службу, несмотря на выходной день.

— Добрый день, Владимир Васильевич! Родионов беспокоит.

Все начальники в малом гарнизоне Балаклавы были хорошо знакомы. Вместе на рыбалку и на шашлыки в горы ходили.

— И тебе не спится в такую рань в воскресный день!

— Боюсь, нам всем сегодня будет не до сна! Вы ничего странного в округе не наблюдаете?

— Еще как наблюдаю! Сам собирался тебе позвонить. Только что прибежал мой преподаватель старлей Сидоров. Весь взмыленный. Он квартирует с семьей в домике у самой Кадыковки. Так вот, он говорит, что все дома выше по дороге за его домом бесследно исчезли. И половину сада с огородом за его домом тоже как будто отрезало. А за линией отреза какие-то избушки на курьих ножках стоят. Он к первой избушке подошел. Постучал в дверь. Оттуда вылез какой-то лохматый мужичок, в рванину одетый, и что-то лопотал, чего именно, он не понял. Сразу сюда

рванул, с докладом. Говорит, что речь того мужичка похожа на греческую. Но не совсем. Что скажешь по этому поводу?

— А я еще странностей добавлю! Лес по гребням гор уже видели?

— Видел, не слепой.

— А я туда уже пробежался. Лес старый. Деревья столетние. Сам лично пощупал. И там тоже землю как будто что-то отрезало. Мало того. Радиосвязи с Севастополем с ночи нет. Мой катер прошел до Херсонеса, увидел там город на месте развалин и галеру гребную на входе в бухту. Сейчас я его в Севастополь направил. Через полчаса доложит.

— Понял тебя! Сделаем так. Я пошлю людей пройти по всей границе обреза, посмотреть, что и как. И выставлю караул на дороге у дома Сидорова. Через час подойду к тебе, узнаем, что там в Севастополе. И Опарина от водолазов приглашу.

— Думаю, Владимир Васильевич, на всех высотах по границе отреза следует вооруженные караулы выставить, чтобы никто чужой к нам не пролез.

— Ты прав! Работаем!

В 08:10 в кабинете Родионова собрались начальник Морского водолазного техникума капитан-лейтенант Опарин и майор Асташев.

— Последние новости такие. Глухов доложил, что в Севастопольской бухте города не наблюдает. Вообще пустые берега, — после взаимных приветствий сообщил Виктор. — Пока он стоит в бухте, ждет указаний. Более того, мой радист прослушал все диапазоны. Весь эфир пуст. Ни одной радиостанции не слышно. Даже радиовещательные Москва, Харьков, турецкие, румынские и болгарские станции молчат.

Асташев и Опарин шли к пограничникам вместе и по дороге успели переговорить.